

АРХИВ

Огюст Конт

ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Часть третья
УСЛОВИЯ ТОРЖЕСТВА ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ
(Союз пролетариев и философов)

Глава первая
ВВЕДЕНИЕ ВЫСШЕГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

1. Соотношение между распространением положительных понятий и настроениями современной среды

Настроения
современной среды

57. Совокупностью предыдущих указаний само собой возникающее превосходство новой философии над каждой из школ, оспаривающих в наши дни господство друг у друга, является теперь в такой же мере выясненным с социальной точки зрения, насколько оно уже было охарактеризовано со стороны интеллектуальной; по крайней мере постольку, поскольку это позволяют размеры настоящего «Слова», и насколько это возможно без необходимой помощи указанного сочинения. Заканчивая эту краткую оценку, важно отметить благоприятное соотношение, естественно устанавливающееся между этим философским методом и разумными, но эмпирическими настроениями, которые благодаря современному опыту становятся отныне все более и более преобладающими как у управляемых, так и у управляющих. Непосредственно заменяя бесплодную политическую агитацию широким умственным движением, положительная школа, в результате систематического исследования, объясняет и обосновывает безразличие или отвращение, которые общественный разум и благоразумие правительств согласно проявля-

* Окончание. Начало: Развитие личности. 2008. №4. С. 144 – 185; 2009. №1. С. 162 – 184.

Публикуется по изданию: *Конт О.* Дух позитивной философии. – СПб.: Издательство «Вестник знания», 1910.

Новая школа нуждается в непрерывном поддержании материального порядка

ют по отношению ко всякому серьезному и непосредственному социальному строительству теперь, в эпоху, когда могут существовать учреждения только чисто предварительного или переходного характера, ибо покуда будет продолжаться идейная анархия, эти меры будут лишены сколько-нибудь достаточного разумного основания.

Призванная прекратить, наконец, этот основной беспорядок единственными средствами, которые только и могут взять верх над ним, новая школа нуждается прежде всего в непрерывном поддержании материального порядка, как внутреннего, так и внешнего, без чего никакое серьезное социальное размышление не может быть ни надлежаще встречено, ни удовлетворительно выработано. Оно стремится, таким образом, дать оправдание и оказать содействие вполне правильной заботе, внушаемой теперь всюду идеей достижения единственного великого политического результата, который оказался бы непосредственно совместимым с современным положением. Это положение, сверх того, делает его особенно ценным вследствие тяжелых затруднений, которые оно создает на его пути, выдвигая, в конце концов, неразрешимую проблему – поддерживать некоторый политический порядок среди глубокого морального беспорядка. Помимо своих будущих трудов, положительная школа непосредственно приобщается к этому великому делу в силу своей прямой тенденции коренным образом дискредитировать различные современные школы, она уже лучше, чем каждая из них, выполняет еще остающиеся у них противоположные функции; в ней одной эти последние сами собой совмещаются так, что она сразу же показывает себя более органической, чем теологическая школа, и более прогрессивной, чем метафизическая, никогда не угрожая опасностью реакции или анархии, свойственных соответственно каждой из этих двух школ. С тех пор, как правительства по существу отказались, хотя неявно, от всякого серьезного возвращения к прошлому, а народы – от всякого резкого потрясения учреждений, новой философии только остается просить у той и другой стороны, – всюду, по существу, благоприятно подготовленных (по крайней мере, во Франции, где должна, главным образом, совершиться сначала систематическая обработка лишь обычного отношения, т.е. свободы и внимания). При этих естественных условиях положительная школа стремится, с одной стороны, укреплять все современные прерогативы власти за их обладателями и, с другой стороны,

налагает на последних моральные обязанности, все более и более соответствующие истинным потребностям народов.

58. При указанном, бесспорно заслуженном новой школой, отношении властей и народов, с первого взгляда получается такое впечатление, что единственными существенными препятствиями торжеству положительной школы отныне должны явиться только те, которые будут обусловлены неспособностью или нерадением ее проповедников. Но более зрелая оценка показывает, что, напротив, новая философия должна встречать энергичное сопротивление со стороны почти всех в настоящее время деятельных умов, уже вследствие трудности того обновления, с которым было бы сопряжено их непосредственное приобщение к ее главной работе. Если бы это неизбежное противодействие должно было исходить исключительно от теологически или метафизически настроенных умов, оно представляло бы незначительную реальную опасность, ибо осталась бы могущественная поддержка тех, кто преимущественно занимается изучением положительных наук, а их число и влияние с каждым днем увеличивается. Но, в силу легко объяснимого рокового обстоятельства, именно со стороны этих последних новая школа должна, может быть, ожидать наименьшей поддержки и наибольших затруднений: философия, непосредственно вытекающая из наук, встретит, вероятно, наиболее опасных из своих врагов в лице ученых, разрабатывающих теперь эти науки. Главный источник этого печального недоразумения заключается в слепой узкой специализации, которой резко отличается современное научное мышление, носящее по необходимости частный характер в виду возрастающей сложности изучаемых явлений; я это ясно укажу ниже. Это предварительное движение, которое опасная академическая рутин старается теперь увековечить преимущественно среди геометров, прививает каждому уму истинно положительный метод мышления только в крайне узкой области идей и оставляет все остальное в теолого-метафизическом тумане или отдает во власть еще более стеснительному эмпиризму. Отсюда истинно положительное мышление, соответствующее совокупности различных научных трудов, оказывается по существу не понятым в полной мере ни одним из тех, которые таким образом естественно подготавливали его. Все более и более проникаясь этой неизбежной тенденцией, ученые, в собственном смысле слова, обыкновенно доходят в наш век до непреодоли-

мого отвращения ко всякой общей идее и до полной неспособности верно оценить какую-либо философскую концепцию. Опасность этого противодействия легче, впрочем, будет понять, приняв во внимание, что, порожденное умственными привычками, оно должно было затем затронуть различные соответственные интересы, которые организация у нас научной деятельности глубоко связывает, (преимущественно во Франции), с этой пагубной специализацией (я это с достаточной ясностью развил в вышеуказанном моем сочинении). Таким образом, новая философия, непосредственно требующая цельного направления и способствующая рождающейся науке о социальном развитии стать выше всех сложившихся теперь дисциплин, – необходимо встретит глубокую неприязнь, одновременно активную и пассивную, в предрассудках и страстях единственного класса, который мог бы прямо доставить ей умозрительную точку опоры и среди которого она долго может надеяться только на отдельных приверженцев, быть может, более редких, чем среди всех других классов*.

2. Необходимая всеобщность этого преобразования

Необходимость
воспитания научного
мышления

59. Чтобы надлежащим образом преодолеть это стихийное объединение различных сопротивлений, оказываемых ей массой мыслящих людей (понимая это слово в собственном смысле), положительная школа может прибегнуть к единственному общему средству – к пря-

---

* Это эмпирическое преобладание дробного направления у большинства современных ученых и их слепая антипатия ко всякому обобщению значительно усугубляются, преимущественно во Франции, благодаря их обычному соединению в академиях, где различные аналитические предрассудки взаимно укрепляют друг друга, где, сверх того, развиваются очень часто корыстные интересы, где, наконец, стихийно организуется постоянное противодействие должествующему отныне возобладать синтетическому направлению. Инстинкт прогресса, являвшийся полвека тому назад характерной чертой революционного гения, смутно чувствовал эти важные опасности, и прибег к прямому упразднению этих отсталых обществ, которые, соответствуя только предварительной стадии положительного мышления, становились все более и более враждебными его окончательной систематизации. Хотя эта решительная мера, обыкновенно так плохо понимаемая, была тогда преждевременной, ибо эти серьезные неудобства не могли еще тогда быть достаточно признаны, остается, тем не менее, бесспорным, что эти научные уже выполнили главную функцию, на которую они были способны по своей природе. Начиная с момента восстановления, их реальное влияние было, по существу, более вредным, чем полезным для настоящего хода великой умственной эволюции.

тому и настойчивому обращению к всеобщему здоровому смыслу, стараясь отныне систематически распространять среди активных слоев населения главные научные труды, способные создать необходимое основание ее великого философского построения. Эти предварительные исследования, в которых до сих пор естественно преобладал эмпирический дух специализации, направлявший соответственные науки, – рассматриваются и изучаются как если бы каждое из них должно было по преимуществу подготовить к той или иной исключительной профессии; это обстоятельство очевидно лишает возможности даже тех, которые обладали бы наибольшим досугом, когда-либо обнять многие знания или, по меньшей мере, столько их, сколько потребовалось бы для дальнейшей выработки здоровых общих концепций. Но так больше не может продолжаться теперь, когда образование имеет своим прямым назначением всеобщее воспитание, необходимо изменяющее, вопреки всякой противной тенденции, его характер и направление. В самом деле, средний человек, который не хочет стать ни геометром, ни астрономом, ни химиком и т.д., постоянно испытывает одновременную потребность во всех главных науках, сведенных к их основным понятиям; ему нужна, по замечательному выражению нашего великого Мольера, *ясность во всем*. Эта необходимая одновременность перестает для него существовать только тогда, когда он рассматривает эти знания в их отвлеченном и общем назначении, как единственное рациональное основание совокупности человеческих концепций; он ее вновь встречает, хотя не столь непосредственно, даже по отношению к различным конкретным применениям, из которых каждое, вместо того, чтобы относиться исключительно к данной отрасли естественной философии, по существу более или менее зависит также от всех прочих. Таким образом, всеобщее распространение главных приобретений положительного знания назначено теперь не только для удовлетворения потребности уже весьма резко выраженной у широких кругов общества, которое все более и более сознает, что науки вовсе не созданы исключительно для ученых, а существуют преимущественно и главным образом для него самого. В силу счастливого, само собой возникающего взаимодействия, такое назначение, когда оно будет надлежаще развито, должно будет коренным образом улучшить современное научное мышление, избавляя его от свойственной ему слепой и узкой специализации и давая ему тем самым воз-

Простому человеку
нужна ясность во
всем

возможность мало-помалу приобретать необходимый для его главной миссии истинно философский характер. Этот путь является даже единственным, благодаря которому можно было бы в наше время, минуя класс специалистов ученых, из массы рассудительных людей постепенно создать обширный, естественно складывающийся трибунал, решения которого были бы столь же беспристрастны, как и неопровержимы и перед которыми навсегда исчезнут многие ложные научные воззрения, последние по необходимости примешались в течение двух последних веков к истинно положительным доктринам в период их предварительной обработки и, сверх того, неизбежно будут их искажать, покуда эти споры не предстанут, наконец, непосредственно перед судом всеобщего здравого смысла. В эпоху, когда нужно ожидать прямой успешности только от чисто временных мер, хорошо приспособленных для нашего переходного положения, необходимое создание такой общей точки опоры для всей совокупности философских трудов становится, на мой взгляд, главным социальным результатом, которого можно было бы теперь достигнуть широким и полным распространением в массах реальных знаний, общество, таким образом, окажет новой школе услугу вполне равноценную той, которую оно само от нее получит.

Воспитание должно
быть всеобщим

60. Этот великий результат не мог бы быть достигнут в полной мере, если бы это непрерывное обучение оставалось предназначенным для одного какого-либо, даже чрезвычайно обширного класса, во избежание неудачи всегда нужно иметь в виду всю совокупность умов. В нормальном состоянии, которое должно подготовить это движение, все без всякого исключения и различия будут всегда испытывать одну и ту же основную потребность в этой первоначальной философии, вытекающей из совокупности реальных понятий и долженствующей тогда стать систематическим основанием человеческой мудрости, как практической, так и умозрительной, и выполнять более совершенным образом необходимую социальную функцию, некогда принадлежавшую всеобщему христианскому образованию. Весьма важно, таким образом, чтобы новая философская школа с самого момента своего зарождения по возможности развивала эту великую элементарную черту социальной всеобщности, которая, относясь в конечном счете к ее главному назначению, составит теперь ее наибольшую силу в борьбе с различными препятствиями, какие она должна встретить.

Народное
назначение
положительного
образования

3. По существу народное назначение этого образования

61. Дабы лучше подчеркнуть эту необходимую тенденцию, внутреннее убеждение – сначала инстинктивное, затем систематическое – меня издавна побуждало всегда изображать систему образования, изложенную в этом сочинении, предназначенной преимущественно для наиболее многочисленного класса, который при существующем положении вещей остается лишенным всякого правильного обучения. Ибо чисто теологическое воспитание, все более и более изгоняемое и только временно замененное, единственно для интеллигентных людей, некоторым метафизическим и словесным образованием, не могло получить, особенно во Франции, никакой равноценной замены для народной массы.

Важность и новизна этого постоянного стремления, мое горячее желание, чтобы оно было надлежащим образом оценено и даже, осмелюсь это сказать, вызвало бы подражание, обязывают меня указать здесь главные мотивы того духовного взаимодействия, которое должно таким образом специально установиться теперь между пролетариями и новой философской школой, но с тем, чтобы распространяемое последней образование не должно было обойти какой-либо класс. Какие бы препятствия этому сближению ни создавали, с одной и с другой стороны, отсутствие рвения или возвышенности чувств, легко, тем не менее, признать вообще, что из всех частей современного общества – народ, в собственном смысле слова, в силу стремлений и потребностей, обусловленных его особенным положением, должен быть, по существу, лучше расположенным сочувственно принимать новую философию, которая, в конце концов, должна найти здесь свою главную идейную и социальную опору.

Готовность
пролетариев к
положительному
образованию

62. Первое соображение, которое важно углубить, хотя оно преимущественно отрицательного характера, вытекает в данном случае из тщательной оценки того, что с первого взгляда могло бы казаться обстоятельством, представляющим собой серьезное затруднение, т.е. из оценки отсутствия в настоящее время всякого умозрительного развития. Без сомнения, достойно сожаления, например, что популярное преподавание астрономической философии не находит еще у всех тех, для кого оно преимущественно назначено, известных предварительных математических знаний, которые сделали бы его одновременно более плодотворным и более доступным и которые теперь, по необходимости, прихо-

дится предполагать. Но этот самый пробел встретился бы также у большинства современных классов в ту эпоху, когда положительное образование остается ограниченным, во Франции, некоторыми специальными профессиями, главным образом связанными с политехнической или медицинскими школами. Здесь, таким образом, нет ничего такого, что было бы действительно характерной особенностью наших пролетариев; что же касается обычного отсутствия у них той формы правильного развития, в которой его получают теперь просвещенные классы, то я не боюсь впасть в философское преувеличение, утверждая, что вместо действительного затруднения отсюда вытекает значительное преимущество для народных умов. Не возвращаясь здесь к критике, к несчастью, чрезвычайно легкой, давно уже в достаточной степени выполненной и все более и более подтверждаемой повседневными опытами в глазах большинства рассудительных людей, было бы трудно придумать теперь более неразумную подготовку и, по существу, более опасную для обычного применения к реальной жизни, как активной, так даже и умозрительной, чем та, которая вытекает из этого бесполезного образования, состоящего сначала из слов, затем из сущностей, — образования, на которое тратится еще столько драгоценных годов нашей молодости. Большой части лиц, получающих такое образование, оно внушает в течение всей их жизни только почти непреодолимое отвращение ко всякому умственному труду; но эти опасности становятся еще более серьезными для тех, которые на нем специализируются. Неспособность к действительной жизни, презрение к простонародным профессиям, бессилие надлежащим образом оценить какое-либо понятие положительной философии и вытекающая отсюда вскоре антипатия очень часто располагают их теперь способствовать бесплодной метафизической агитации, которую беспокойные личные притязания, развитые этим пагубным воспитанием, скоро сделают опасной для политического порядка. Эта агитация, сверх того, ведется под непосредственным влиянием извращенной исторической эрудиции, выдвигающей на первый план ложное понятие о социальном типе, свойственном древности, и, тем самым, обыкновенно препятствующей правильному пониманию новейшей общественности. Если принять во внимание, что почти все те, которые в той или иной области руководят теперь общественными делами, были подготовлены именно таким образом, то не приходится удивляться ни позорному невежеству, которое

Большинству умозрительное образование внушает отвращение к умственному труду

они слишком часто обнаруживают по поводу малейших даже материальных предметов, ни их частой склонности пренебрегать содержанием ради формы, ставя выше всего искусство красиво говорить, каким бы противоречивым или губительным ни становилось применение этого красноречия, ни, наконец, специальной тенденции наших ученых жадно поглощать все заблуждения, рождающиеся ежедневно среди нашей умственной анархии. Такая оценка располагает, напротив, поражаться тому, что эти различные бедствия не принимают обыкновенно более широких размеров, она приводит к глубокому восхищению природной справедливостью и природной мудростью человека, которые, под влиянием счастливого побуждения, свойственного совокупности нашей цивилизации, по большей части сами собой умеряют эти вредные последствия нелепой системы общего воспитания. Так как эта система была, начиная с конца средних веков, как она является еще и теперь, главной социальной точкой опоры метафизического духа – сначала в борьбе с теологией, затем также в выступлениях против науки, – то легко понять, что классы, которые она не смогла охватить, в силу этого самого должны быть гораздо менее заражены этой переходной философией и поэтому лучше подготовлены к положительному мышлению. Таково важное преимущество, которое отсутствие схоластического воспитания доставляет нашим пролетариям и которое делает их, как это показывает повседневный опыт, по существу менее восприимчивыми к различным вносящим смуту софизмам, чем большинство образованных людей, не взирая на то, что их социальные страсти систематически возбуждаются.

Tabula rasa как
полезное условие

Некогда они должны были быть глубоко поработены теологией, в особенности католической; но во время их умственного освобождения метафизика могла только слегка задеть их, ибо она не встретила необходимой для ее упрочения специальной культуры; только положительная философия сможет снова захватить их всецело и глубоко. Предварительные условия, столь горячо рекомендованные родоначальниками этой окончательной философии, должны, таким образом, здесь оказаться выполненными лучше, чем где бы то ни было: если бы знаменитая формула *tabula rasa* (*table rase*)*. Бэкона и Декарта была когда-либо вполне осуществима, то, наверное, только среди современных пролетариев, кото-

* Восприимчивого ко всему человека.

Склонность
пролетариев к
положительной
философии

рые, главным образом во Франции, гораздо более, чем всякий другой класс, приближаются к идеальному типу, подготовленному к рациональному положительному методу.

63. Исследуя глубже и тщательнее это естественное тяготение народных умов к здоровой философии, легко признать, что оно должно всегда вытекать из основной солидарности, которая, согласно нашим предыдущим объяснениям, непосредственно связывает истинный философский дух с его главным необходимым источником – всеобщим здравым смыслом. В самом деле, не только этот здравый смысл, столь справедливо превознесенный Декартом и Бэконом, должен теперь оказаться более чистым и более энергичным у низших классов, уже в силу счастливого отсутствия схоластической культуры, делающего их менее доступными смутным или софистическим привычкам, – к этому временному различию, которое лучшее воспитание просвещенных классов постепенно рассеет, нужно добавить также другое, по необходимости постоянное, относящееся к умственному влиянию различных социальных функций, свойственных обеим категориям умов, соответственно характеру их обычных трудов. С тех пор, как реальное воздействие человечества на внешний мир само собою начало организовываться у современных народов, оно требует непрерывного сочетания двух особых классов, чрезвычайно неравных по численности, но одинаково необходимых, с одной стороны, всегда малочисленные *предприниматели* в собственном смысле слова, которые владея различными соответственными материалами, включая сюда деньги и кредит, руководят совокупностью каждой операции, принимая на себя поэтому главную ответственность за какие бы то ни было результаты; с другой стороны, непосредственные *производители*, которые, живя периодической заработной платой и образуя громадное большинство трудящихся, исполняют, со своего рода отвлеченной целью, каждый из простейших актов, не заботясь особенно об их конечной цели. Эти последние единственно находятся в непосредственном общении с природой, между тем как первые имеют преимущественно дело с обществом. В силу необходимого следствия, вытекающего из этих основных различий, умозаключительная сила, которую мы признали присущей промышленной жизни для самопроизвольного развития положительного мышления, должна обыкновенно лучше себя чувствовать среди производителей, чем среди предпринимателей, ибо собственные труды первых более

просты по своему характеру, преследуют более ясную цель, имеют более близкие результаты и вызываются более повелительными условиями. Таким образом, положительная школа сумеет надлежащим образом проникнуть в эту обширную социальную среду, она должна будет, естественно, находить здесь более легкий доступ для всеобщего образования и более горячее сочувствие своему философскому обновлению. Она должна будет в то же время встретить здесь не менее драгоценные, чем эта умственная гармония, сходные моральные черты, в виду общей материальной беззаботности, само собою сближающей наших пролетариев с истинным классом философов, по крайней мере тогда, когда последний усвоит, наконец, нравы, соответствующие его социальному назначению. Это счастливое положение вещей, столь же благоприятное для всеобщего порядка, как для истинного личного счастья, приобретет тогда более нормальное значение вследствие систематизации общих отношений, долженствующих существовать между этими двумя крайними элементами положительного общества. Но, начиная с настоящего момента, новая философия может существенно облегчить этот рождающийся союз, заполняя незначительный досуг, который повседневные занятия оставляют нашим пролетариям для их умозрительного образования. Если, в некоторых исключительных случаях чрезмерного обременения трудом, это непрерывное препятствие должно, в самом деле, казаться способным помешать умственному развитию, то оно обыкновенно компенсируется характером той мудрой непредусмотрительности, которая в каждом естественном перерыве обязательных работ дает разуму полную возможность располагать собой. Недостаток в истинном досуге должен обыкновенно ощущаться только в высшем классе, который, кажется, наиболее им наделен, ибо уже по причине своего богатства и своего общественного положения он по преимуществу занят тревожными делами, почти никогда не допускающими истинного интеллектуального и морального спокойствия. Это состояние, напротив, должно быть легким как для мыслителей, так и для производителей в виду их общего, само собой получающегося освобождения от забот, относящихся к употреблению капиталов, и вследствие их независимости от естественной регулярности их повседневной жизни.

Моральное преимущество положительного воспитания

64. Когда эти различные умственные и моральные тенденции будут надлежащим образом действовать, то именно между пролетариями должно будет лучше всего

осуществиться это всеобщее распространение положительного образования, являющегося необходимым условием для постепенного выполнения философского обновления. И именно также у них знание сможет приобрести в наибольшей степени чисто умозрительный характер, ибо оно окажется здесь наилучшим образом избавленным от тех своекорыстных взглядов, которые сюда вносят, более или менее непосредственно, высшие классы, всегда занятые расчетами жадности или честолюбия. Видя в нем сначала всеобщее основание всей человеческой мудрости, они будут затем находить в нем, как в изящных искусствах, обычное приятное развлечение от своих повседневных трудов. Так как их неизбежное социальное положение должно сделать гораздо более драгоценным такое научное и эстетическое развлечение, то было бы странно предположить, что правящие классы увидят в нем, напротив, основной мотив к тому, чтобы лишать их позитивного образования, систематически отказывая им в единственном удовольствии, которое могли бы неограниченно разделять даже те, кому приходится благоразумно отказать от менее доступных наслаждений. Правда, такой отказ, весьма часто диктуемый эгоизмом и необдуманностью, иногда мотивируется тем соображением, что эта демократизация философии привела бы к чрезмерному увеличению современного беспорядка, развивая уже весьма ярко выраженное губительное стремление к всеобщему уничтожению классовых различий. Но это естественное опасение, единственно крупное возражение, заслуживающее в этом вопросе серьезного обсуждения, вытекает теперь, в большинстве случаев, из неразумного смешения положительного образования – одновременно эстетического и научного – с единственно организованным теперь метафизическим и словесным образованием. Последнее оказывает, как мы это уже признали, чрезвычайно возбуждающее действие на просвещенные классы, и оно стало бы, на самом деле, гораздо более опасным, если бы распространялось на пролетариев, где оно развило бы, помимо отвращения к материальным занятиям, чрезмерное честолюбие. Но, к счастью, они еще менее расположены его добиваться, чем те, от кого это зависит, желают им его дать. Что же касается разумно понятых и надлежаще направленных положительных знаний, то они отнюдь не могут иметь такого влияния: находясь в связи и применяясь по своей природе ко всем практическим работам, они, напротив, стремятся укреплять или даже внушать склонность к ним, либо облагоражи-

Неразумное смещение положительного образования с метафизическим

вая их обычный характер, либо смягчая их тяжелые последствия; приводя, сверх того, к ясной оценке различных социальных положений и необходимо связанных с ними тягостей, они подсказывают ту мысль, что действительное счастье совместимо со всякими условиями существования, лишь бы они были честно выполнены и разумно приняты. Вытекающая из них общая философия учит, что человек или, вернее, человечество есть первое из известных нам существ, призванное, в силу совокупности реальных законов, по возможности и во всех отношениях, непрерывно совершенствоваться естественный порядок, не беспокоясь никакими нелепыми тревогами, эта идея стремится глубоко пробуждать всеобщее деятельное чувство человеческого достоинства. В то же время эта философия сама собой ограничивает чрезмерную гордость, которую она могла бы порождать, показывая со всех точек зрения и с полной очевидностью, насколько мы оказываемся ниже охарактеризованных цели и типа как в действительной, так даже и в умозрительной жизни, здесь мы почти на каждом шагу чувствуем, что наши величайшие усилия могут всегда преодолеть только незначительную часть основных затруднений. 65.

Рвение к всеобщему распространению реального знания

65. Не взирая на высокую важность различных предшествовавших мотивов, соображения еще более сильные побудят преимущественно умы народных масс способствовать теперь философской деятельности положительной школы своим неизменным рвением ко всеобщему распространению реальных знаний, которые идут навстречу главным коллективным потребностям социального положения пролетариев. Их можно выразить таким общим положением до сих пор не могла существовать специфически народная политика, и только новая философия может создать ее.

Глава вторая СОЗДАНИЕ НАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ

1. Народная политика, всегда социальная, должна стать преимущественно моральной

Позитивные знания связаны с социальной политикой пролетариев

66. С тех пор, как начался великий современный кризис, в главных политических столкновениях народ являлся и еще теперь является простым вспомогательным элементом. Участвуя в борьбе, народ надеется, конечно, добиться некоторого улучшения своего общего положения; но это улучшение, очевидно, не может быть согласовано со взглядами и целью, действительно ему

присущими. Все обычные споры оставались по существу ограниченными различными высшими или средними классами, ибо предметом их было преимущественно обладание властью. Народ же долгое время не мог непосредственно интересоваться такими конфликтами, так как природа нашей цивилизации, очевидно, не позволяет пролетариям надеяться и даже желать сколько-нибудь значительного участия в политической власти в собственном смысле этого слова. Поэтому, добившись всех социальных результатов, каких они могли ожидать при временном переходе политического господства от духовенства и феодальной аристократии к метафизикам и легистам, они теперь все более и более безразлично относятся к бесплодному продолжению этой все более и более жалкой борьбы, отныне почти сведенной к пустому личному соперничеству. Каковы бы ни были по вседневные усилия метафизической агитации втянуть их в эти пустые споры, соблазняя их тем, что называют политическими правами, – народ, в особенности во Франции, инстинктивно понял уже, насколько было бы призрачным или ребячески несерьезным обладание такой привилегией, которая даже при ее нынешней степени распространения не внушает обыкновенно никакого истинного интереса большинству из тех, которые исключительно ею пользуются.

Народ, по существу, может интересоваться только фактическим применением власти

Народ может интересоваться только фактическим применением власти

Народ, по существу, может интересоваться только фактическим применением власти, в чьих бы руках она ни находилась, а не ее специальным завоеванием. Как только политические или, вернее, отныне социальные, вопросы будут обыкновенно относиться к форме, в которой власть должна быть осуществлена, дабы лучше достигнуть своего общего назначения, затрагивающего у современных народов пролетарские массы, тотчас же придется признать, что наблюдаемое теперь презрение отнюдь не ведет к опасному безразличию, до этого момента народное мнение останется чуждо этим спорам, которые с точки зрения здравомыслящих людей, увеличивая непрочность всех властей, стремятся специально задержать необходимый переворот. Одним словом, народ естественно расположен желать, чтобы тщетное и бурное обсуждение прав было, наконец, заменено плодотворной и спасительной оценкой различных основных обязанностей, как общих, так и частных. Таков сам собой выдвигающийся принцип тесного соотношения, которое, будучи рано или поздно понято, неминуемо соединит народный инстинкт с социальной деятельностью положительной философии, ибо это великое

превращение, очевидно, равноценно обоснованному выше самыми высокими умозрительными соображениями переходу современной политической агитации в простое философское движение; первый и главный результат последнего будет, действительно, состоять в прочном построении всеобщей морали действия, предписывающей каждому деятелю, личному или коллективному, наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения. Чем больше будут размышлять об этом естественном отношении, тем полнее будет признано, что эта решительная перемена, которую могло произвести только положительное мышление, может теперь находить опору лишь у народа в собственном значении слова, единственно расположенного хорошо ее понять и глубоко ею заинтересоваться.

Свобода пролетариев
от предрассудков
властей

Предрассудки и страсти, свойственные высшим или средним классам, сообща препятствуют им первыми понять в достаточной степени всю важность этой новой политической задачи, ибо обыкновенно они должны больше интересоваться преимуществами, сопряженными с обладанием властью, чем опасностями, вытекающими из неправильного осуществления последней. Если народ теперь относится и должен впредь относиться безразлично к непосредственному обладанию политической властью, то он никогда не может отказываться от необходимой доли постоянного участия в моральной власти; это – единственная власть, истинно доступная всем, обеспечивающая без всякой опасности для всеобщего порядка и, напротив, его наибольшую повседневную выгоду; она уполномочивает каждого во имя общей основной доктрины надлежащим образом призывать сильнейших мира к исполнению их различных основных обязанностей. Правда, предрассудки, присущие переходной или революционной эпохе, должны были также иметь некоторый успех среди наших пролетариев; они, в самом деле, поддерживают здесь прискорбные иллюзии о бесконечном значении собственно политических мер, они мешают оценивать, насколько справедливое удовлетворение великих народных интересов зависит теперь более от воззрений и нравов, чем от самих учреждений, истинное преобразование которых, в настоящее время невозможное, требует прежде всего духовной реорганизации. Но можно утверждать, что это спасительное образование положительной школе будет гораздо легче проводить в народные умы, чем распространять среди всех других классов, как потому, что отрицательная метафизика не могла там достаточно уко-

рентиться, так, в особенности, в силу постоянного давления социальных потребностей, присущих их необходимому положению. Эти потребности, по существу, относятся к двум основным условиям – внутреннему и внешнему, – тесно связанным по своей природе, речь, на самом деле, идет о надлежащем обеспечении всем сначала права на нормальное воспитание, затем – на правильный труд; такова в сущности *истинная социальная программа пролетариев*. Действительной популярностью может пользоваться только та политика, которая необходимо будет стремиться к достижению этой двойной цели. А таков, очевидно, сам собой складывающийся характер социальной доктрины, исповедуемой новой философскою школой. Наши предыдущие соображения избавляют нас здесь по этому вопросу от всяких новых разъяснений, которые, сверх того, являются предметом столь часто упоминаемого в этом «Слове» труда. Важно только добавить по этому поводу, что необходимое сосредоточение наших мыслей и нашей деятельности на реальной жизни человечества, устраняя всякие напрасные мечтания, будет в особенности стремиться сильно укреплять моральную и политическую связь народа в собственном смысле слова с истинной новой философией. Своим верным инстинктом он в самом деле скоро почувствует в этом новый сильный мотив направлять практическую общественную деятельность преимущественно к мудрому непрерывному улучшению своего собственного общего положения. Нелепые надежды, присущие старой философии, очень часто внушали, напротив, презрительное пренебрежение или полное равнодушие к такому прогрессу, так как он естественно должен был казаться недостойным серьезного внимания рядом с этой вечной перспективой само собой наступающего бесконечного воздаяния за всякие страдания.

2. Характер участия правительств в распространении положительных понятий

Народное воспитание организуется независимо от светской власти

67. Эта краткая оценка достаточна теперь для того, чтобы с различных основных точек зрения выяснить необходимое тяготение низших классов к положительной философии, которая, лишь только она придет с ними в тесное соприкосновение, получит у них свою главную естественную, одновременно умственную и социальную, опору; в то же время, теологическая философия годна только для высших классов, политическое главенство которых она стремится увековечить точно так же, как метафизическая обращается преимущест-

венно к средним сословиям, деятельному честолюбию которых она благоприятствует. Всякий размышляющий ум должен, таким образом, наконец, понять поистине основное значение, которое представляет теперь мудрое и систематическое введение в общее употребление положительных знаний, по существу наученных для пролетариев, чтобы выработать в их среде здоровую социальную доктрину. Различные податели, способные хотя бы на минуту отвлечься от водоворота повседневных забот, единодушно и весьма резонно сожалеют об анархическом влиянии, оказываемом в наше время софистами и горами. Но эти справедливые сожаления неизбежно останутся тщетными, пока не будет лучше понята необходимость выйти, наконец, из того умственного состояния, когда официальное воспитание может обыкновенно подготовить только риториков и софистов, стихийно стремящихся затем распространять тот же дух через газеты, романы и драмы среди низших классов, которых никакое правильное образование не гарантирует от метафизической заразы, отвергаемой только их естественным рассудком. Хотя нужно надеяться, что современные правительства вскоре поймут, насколько всеобщее распространение реальных знаний может все более и более способствовать их непрерывным усилиям поддерживать необходимый порядок, тем не менее, не следует еще ожидать от них, ни даже желать их истинно деятельного сотрудничества в этом великом процессе приготовления умов, который должен долгое время вытекать преимущественно из свободного частного соревнования, внушенного и поддерживаемого истинными философскими убеждениями.

Потребности положительной школы совпадают с обязанностями правительства

Сохранение несовершенной и примитивной политической гармонии, беспрестанно устанавливаемой среди нашего умственного и морального беспорядка, слишком поглощает их и заставляет их даже стоять на точке зрения слишком низкой для того, чтобы они могли достойно оценить природу и условия такого труда; нужно лишь стараться дать им понять его важность. Если бы правительства, движимые несвоевременным усердием, пытались теперь руководить этим делом, они могли бы привести только к глубокому его искажению, значительно умаляя его успешность, так как не связанное с достаточно законченной философией, оно скоро выродилось бы в бессвязное накопление поверхностных частных фактов. Таким образом, положительная школа, являясь продуктом деятельного и добровольного сотрудничества истинно философских умов, будет пока для надлежаще-

Необходимость
свободного доступа к
положительному
образованию

го выполнения своей великой социальной задачи просить наши западные правительства лишь о предоставлении полной свободы изложения и обсуждения ее учения, свободы, равноценной той, которою пользуются уже теологическая и метафизическая школы. Первая из них может с высоты тысяч своих священных трибун превозносить абсолютное превосходство своей вечной доктрины и предавать всех своих противников бесповоротному осуждению; другая – на многочисленных кафедрах, содержимых для нее национальной щедростью, может ежедневно доказывать перед громадными аудиториями всеобщую целесообразность своих онтологических концепций и высокие качества ее литературных знаний. Не претендуя на такие преимущества, которые могут быть приобретены единственно в силу времени, положительная школа по существу просит теперь только права на постоянный доступ в общественные помещения, где она имела бы возможность непосредственно доказать свою окончательную способность одновременно удовлетворять все наши социальные потребности, мудро пропагандируя единственное систематическое образование, которое могло бы отныне подготовить действительный переворот, сначала идейный, затем моральный и, наконец, политический. Лишь бы только этот свободный доступ остался для нее всегда открытым, – а она уже опираясь на добровольное и бескорыстное усердие ее редких проповедников, благоприятствуемое всеобщим здравым смыслом и побуждаемое возрастающим давлением основного положения вещей, не побоится выдерживать с этого момента деятельную философскую борьбу против даже объединенных многочисленных и могущественных органов двух старых школ. Не приходится также опасаться, что в данном случае государственные люди отныне резко изменят свою беспристрастную умеренность, обусловленную их все более и более обнаруживающимся собственным безразличием в области умозрения; положительная школа может в этом отношении рассчитывать на обыкновенную благосклонность наиболее умных из них не только во Франции, но также и на всем нашем Западе. Их постоянный надзор за этим свободным народным образованием вскоре ограничится лишь требованием, как неизменного условия, истинно положительной философии, отклоняя с неумолимой строгостью еще слишком угрожающее введение смутных или софистических умозрений. Но в этом отношении основные потребности положительной школы прямо совпадают с естественными

обязанностями правительств, ибо, если последние должны отвергать подобное злоупотребление вследствие его анархической тенденции, то первая, помимо этого справедливого мотива, считает его совершенно противным *основному* назначению народного образования, так как оно оживляло бы тот самый метафизический дух, в котором она видит теперь главное препятствие торжеству новой философии в обществе. По этой, как и по многим другим причинам, положительные философы будут себя всегда чувствовать почти в такой же мере, как и действующие власти, заинтересованными в непрерывном поддержании внутреннего порядка и внешнего мира, ибо они в этом видят наиболее благоприятное условие для истинного интеллектуального и морального возрождения: только со свойственной им точки зрения они должны на более далеком расстоянии замечать то, что могло бы повредить или способствовать этому великому политическому результату, вытекающему из всей совокупности нашего переходного положения.

Глава третья НЕОБХОДИМЫЙ ПОРЯДОК ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ НАУК

Установление
основного порядка
наук

68. Теперь мы во всех отношениях достаточно охарактеризовали чрезвычайную важность, которую представляет собой всеобщее распространение – в особенности среди пролетариев – положительных знаний в целях создания отныне необходимой – одновременно умственной и социальной – точки опоры философскому труду, который должен постепенно произвести духовное преобразование современных обществ. Но такая оценка осталась бы еще неполной и даже недостаточной, если бы конец этого «Слова» не был посвящен установлению основного порядка, соответствующего этому ряду наук с тем, чтобы точно определить истинное положение, которое должна занять в их совокупности та, которою этот *трактат* займется затем исключительно. Это дидактическое расположение не только далеко не является безразличным, как это очень часто предполагают, исходя из нашего ложного научного строя, – но, напротив, можно утверждать, что именно оно преимущественно обуславливает главную идейную иди социальную плодотворность великого подготовительного процесса. Сверх того, существует тесная солидарность между энциклопедической концепцией, следствием которой оно является, и основным законом эволюции, служащим опорой для новой общей философии.

1. Закон классификации

Важность
универсального
закона
классификаций

69. Такой порядок должен по своей природе отвечать двум основным условиям, – догматическому и историческому, – точки соприкосновения которых необходимо выяснить прежде всего: первое состоит в расположении наук согласно их последовательной зависимости, так чтобы каждая опиралась на предыдущую и подготовляла следующую, – второе предписывает располагать их сообразно ходу их действительного развития, переходя всегда от более древних к более новым. Сама собой получающаяся равномерность этих двух энциклопедических путей зависит вообще от основного тождества, неизбежно существующего между индивидуальной и коллективной эволюциями; последние, будучи одинакового происхождения и имея аналогичное происхождение и одну и ту же движущую силу, должны всегда представлять соответственные фазисы, за исключением единственного различия в продолжительности, напряженности и быстроте, обусловленных несходством этих двух порядков явлений. Это необходимое совпадение позволяет, таким образом, рассматривать оба способа как две соотносительные формы одного энциклопедического принципа, так что обыкновенно оказывается возможным употреблять ту из них, которая в каждом случае наилучше обнаруживает интересующие отношения; то же совпадение дает драгоценное средство постоянно проверять одним из них результаты, полученные посредством другого.

Основной закон
порядка
классификаций
различных
элементов науки о
человеке

70. Основной закон этого общего порядка, закон догматической и преемственно-исторической зависимости, был со всей полнотой установлен в вышеуказанном большом труде, общий план которого он определяет. Он заключается в распределении различных наук согласно природе изучаемых явлений, либо по их убывающим общности и независимости, либо по их возрастающей сложности, откуда вытекают умозрения все менее и менее отвлеченные и все более и более трудные, но также все более и более возвышенные и полные; последнее создается их более тесным отношением к человеку или, вернее, к человечеству, которое является конечной целью всякой теоретической системы. Это распределение приобретает свою главную философскую – как научную, так и логическую – ценность в силу постоянного и необходимого тождества, существующего между всеми различными способами умозрительного сравнения естественных явлений, – отсюда же вытекает множество энциклопедических теорий, объяснение и

приложение которых является предметом указанного сочинения; последнее, кроме того, в области конкретно добавляет тот важный общий признак, что явления становятся таким образом все более и более способными видоизменяться, представляя все более и более широкую область для человеческого вмешательства. Здесь достаточно указать в общих чертах применение этого великого принципа к рациональному определению истинной иерархии наук, непосредственно рассматриваемых отныне как различные составные элементы единой науки – науки о человеестве.

2. Энциклопедический закон или иерархия наук

Первое деление естественной философии: астрономия, химия, биология

71. Эта конечная цель всех наших реальных умозрений, очевидно, требует по своей одновременной научной и логической природе необходимой двоякой предварительной работы, относящейся, с одной стороны, собственно к человеку, с другой к внешнему миру. В самом деле, невозможно рационально изучать статические или динамические явления общественности, не познакомившись сначала в достаточной степени со специальным деятелем, производящим их, и с общей средой, в которой они совершаются. А отсюда вытекает необходимое деление той философии природы, которая предназначена готовить социальную философию, на две отрасли: на органическую и неорганическую. Что касается относительного расположения этих двух одинаково основных наук, то все существенные мотивы, как научные, так и логические, согласно предписывают в индивидуальном воспитании и коллективной эволюции начинать со второй, явления которой, более простые и более независимые в силу их наивысшей общности, единственно доступны сначала истинно положительной оценке, между тем как их законы, относящиеся непосредственно к существованию вселенной в ее целом, оказывают затем необходимое влияние на частное существование живых тел. Астрономия необходимо составляет во всех отношениях наиболее законченный элемент этой предварительной теории внешнего мира как потому, что она более доступна полному применению положительного метода, так и потому, что она характеризует общую среду всех наших, каких бы то ни было, явлений и выражает без всякого усложнения простое математическое бытие, – т.н. бытие геометрическое или механическое, общее всем реальным существам. Но даже стремясь по возможности наиболее сжато представить истинные энциклопедические концепции, невозможно

было бы свести неорганическую философию к этому главному элементу, ибо она осталась бы тогда совершенно отрезанной от органической философии. Их основная связь – научная и логическая – коренится преимущественно в наиболее сложной отрасли первой, обнимающей изучение явлений творения и разложения, – явлений, наиболее возвышенных из всех необходимых для существования вселенной и наиболее близко касающихся жизненной формы в собственном смысле слова. Именно таким образом естественная философия, рассматриваемая как необходимое введение в социальную философию, разлагаясь сначала на две крайние и одну промежуточную науки, последовательно обнимает эти три великие отрасли знания – астрономию, химию и биологию, из которых первая непосредственно касается стихийного зарождения истинного научного метода, а последняя – его основного назначения. Первоначальное развитие той и другой из них, соответственно, относится исторически к греческой древности, к средним векам и к современной нам эпохе.

Астрономия должна следовать за математикой и предшествовать физике

72. Такая энциклопедическая оценка не выполнила бы еще в достаточной степени необходимых условий непрерывности и самостоятельности, присущих такому предмету, с одной стороны, она оставляет капитальный пробел между астрономией и химией, связь которых не может быть прямой, с другой – она недостаточно указывает, как на истинный источник этой умозрительной системы, на простое абстрактное продолжение общего разума, научная точка отправления которого не может быть прямо астрономической. Но для того, чтобы пополнить эту основную формулу, достаточно, во-первых, включить между астрономией и химией физику в тесном смысле слова, начавшую действительно существовать как самостоятельная наука лишь при Галилее; во-вторых, поместить в начале этого обширного целого математику, единственную необходимую колыбель рационального положительного метода как для индивида, так и для рода. Если при более частном применении нашего энциклопедического принципа мы разложим в свою очередь эту начальную науку на ее три главные отрасли – исчисление, геометрию и механику, то мы определим, наконец, с философской точностью истинное происхождение всякой научной системы, действительно исходящей вначале из чисто числовых умозрений, которые, будучи наиболее общими, наиболее простыми, наиболее отвлеченными и наиболее независимыми из всех, почти смешиваются с само собой получа-

Иерархия наук позволяет восстановить общую историю положительного метода

ющимся развитием положительного мышления у наиболее заурядных умов; факт этот подтверждает еще на наших глазах повседневное наблюдение индивидуального развития.

73. Таким образом, мы постепенно приходим к открытию неизменной иерархии – одновременно исторической и догматической, одинаково научной и логической – шести основных наук: математики, астрономии, физики, химии, биологии и социологии; из них первая необходимо составляет исключительный отправной пункт последней, являющейся единственной основной целью всякой положительной философии, рассматриваемой отныне как философия, которая образует, в силу своей природы, истинную неделимую, хотя несколько не произвольную, систему, где всякое разложение в корне искусственно и которая относится, в конечном итоге, всецело к человечеству, единственному вполне универсальному понятию. Совокупность этой энциклопедической формулы, точно согласующаяся с истинными свойствами соответственных наук и очевидно обнимающая, сверх того, все элементы наших реальных умозрений, позволяет, наконец, всякому уму по желанию возобновлять в своей памяти общую историю положительного метода, переходя, почти незаметным образом, от простейших математических идей до наиболее возвышенных социальных концепций. В самом деле, ясно, что каждую из четырех промежуточных наук ее простейшие явления связывают, так сказать, с предыдущей, ее наиболее сложные – с последующей. Эта сама собой возникающая совершенная непрерывность станет особенно очевидной для всех тех, кто, ознакомившись с вышеуказанным сочинением, узнают, что тот же энциклопедический принцип дает также рациональное распределение различных составных частей каждой основной науки, так что догматические ступени и исторические фазисы могут сближаться постольку, поскольку этого требует точность сравнений или легкость переходов.

Порядок наук как неизменный путь позитивного воспитания

74. При настоящем состоянии умов логическое применение этой великой формулы еще более важно, чем ее научное употребление, так как в наше время метод является более существенным, чем сама доктрина, и кроме того, только он непосредственно доступен полному преобразованию. Таким образом, главная полезность этой формулы заключается теперь в строгом определении неизменного хода всякого истинно положительного воспитания среди неразумных предрассудков и обычных недостатков, присущих предварительному разви-

Отсутствие истинно
положительного
метода во многих
науках

тию научной системы, образованной постепенно из частичных и несвязных теорий, взаимные отношения которых должны были оставаться до настоящего времени незамеченными для следовавших один за другим их основателей. Современные ученые всех специальностей нарушают теперь одинаково серьезно, хотя и в различных отношениях, это основное обязательство. Ограничиваясь здесь приведением двух крайних случаев, укажу на то, что геометры, справедливо считая себя стоящими у истинного источника положительного метода, стремятся со слепым упрямством задержать человеческий разум на этой чисто начальной ступени действительного умозрительного подъема, не обращая внимания на его единственную необходимую цель, напротив, биологи, законно восхваляя превосходные качества своего предмета, непосредственно примыкающего к конечному звену этой великой цепи, упорно продолжают держать свои исследования в неразумной изолированности, произвольно освобождая себя от требуемой их природой трудной подготовительной работы. Эти противоположные, но одинаково эмпирические настроения очень часто приводят теперь у одних к напрасной затрате умственных сил, расходуемых отныне большей частью на все более и более ребяческие исследования, у других – к постоянной шаткости различных основных понятий, обусловливаемое отсутствием истинно положительного метода. В этом последнем отношении важно, в особенности, заметить, что в действительности общественные науки являются теперь не единственными науками, которые остаются еще вполне чуждыми положительной системе и пребывают под бесплодным господством теолого-метафизического мышления; в сущности, сами биологические науки, и особенности динамические, хотя они обставлены академически, также не достигли до сих пор истинно положительной ступени, ибо ни одна капитальная доктрина не является достаточно обоснованной, так что область иллюзий и фантастических построений остается почти бесконечной. А печальное продолжение такого положения вещей по существу зависит в одном и другом случае от недостаточного выполнения великих логических условий, определяемых нашим энциклопедическим законом: ибо давно уже никто не спорит против необходимости положительного метода, но никто не знает его природы и налагаемых им обязанностей, которые может характеризовать только истинная научная иерархия. Чего, в самом деле, ожидать как относительно общественных

явлений, так даже касательно более простого изучения индивидуальной жизни, от трудов ученых, которые приступают непосредственно к столь сложным умозрениям, не подготовившись достойным образом ясной оценкой методов и доктрин, относящихся к различным менее сложным и более общим явлениям и лишив себя, таким образом, возможности в достаточной степени познать как индуктивную логику, характеризующуюся на начальной стадии главным образом химией, физикой и, прежде всего, астрономией, так даже чисто дедуктивную логику или элементарное искусство строить заключения? – ведь надлежало бы развить последнее можно только обладая математическим образованием.

Сжатая формула классификации: изучение мира, земли и человека

75. Дабы облегчить обычное употребление нашей иерархической формулы, очень удобно (когда полная энциклопедическая точность не является обязательной) сгруппировать термины по два, представляя их в виде трех пар: начальной математико-астрономической, конечной биолого-социологической, разделенных и соединенных промежуточной физико-химической парой. Это удачное сжатие формулы вытекает из неопровержимой оценки наук. Ибо, самом деле, существует гораздо большее естественное сходство, как научное, так и логическое между двумя элементами каждой пары, чем между целыми последовательными парами. Это обстоятельство часто подтверждается трудностью, испытываемой при точном отделении математики от астрономии и физики от химии в силу смутных привычек, господствующих еще в области всех взглядов на целое; в особенности это верно относительно биологии и социологии, которые большинство современных мыслителей продолжает смешивать. Не доходя никогда до этих ложных смешений, которые в корне исказили бы переходы нашей классификации, полезно будет часто сводить, таким образом, элементарную иерархию реальных умозрений к трем основным парам, из которых каждая сверх того сможет быть кратко обозначена по своему более специальному элементу, являющемуся всегда действительно наиболее характерным и наиболее способным определить великие фазисы эволюции положительного метода, индивидуальной или коллективной.

3. Важность закона классификации

Теория классификаций – необходимое дополнение закона трех стадий

76. Эта краткая оценка достаточна здесь для того, чтобы указать назначение и отметить важность такого закона классификации, в котором окончательно заключается одна из двух основных идей, само собой возника-

ющее и тесное сочетание которых необходимо составляет систематическое основание новой общей философии. Конец этого пространного «Слова», где истинное положительное мышление было охарактеризовано со всех его существенных сторон, приближается, таким образом, к своему началу, ибо эта теория классификации должна быть рассматриваема, в конечном счете, как естественно нераздельная от изложенной вначале теории эволюции; поэтому настоящее сочинение само образует истинное целое, верное, хотя чрезвычайно уменьшенное, изображение обширной системы. Легко, в самом деле, понять, что обычай соображаться с такой иерархией должен стать необходимым как для надлежащего применения нашего первоначального закона о трех стадиях, так и для достаточного устранения единственных серьезных препятствий, которые он мог бы встретить; ибо частое историческое совпадение трех великих фазисов мысли в области различных умозрений являлось бы при всяком другом методе классификации необъяснимой аномалией, которую, напротив, разрешает наш иерархический закон, столь же относящийся к последовательности, как и к зависимости различных положительных знаний. Равным образом, в обратном смысле, ясно, что правило классификации предполагает правило эволюции, ибо все основные мотивы, поддерживающие установленный в таком виде порядок, в сущности, вытекают из неравной быстроты такого развития у различных основных наук.

Обеспечение
независимости
различных научных
элементов

77. Рациональное сочетание этих двух основных идей, образуя необходимое единство научной системы, все части которой все более и более стремятся к одной цели, обеспечивает также, с другой стороны, правомерную независимость различных главных элементов, еще очень часто искажаемую ложными сближениями. Так как при своем предварительном развитии, единственно имевшем место до сих пор, положительный метод вынужден был, таким образом, постепенно распространяться от низших знаний к высшим, то последние неизбежно подверглись победному натиску первых, против влияния которых их необходимая самобытность не находила сначала другой гарантии, кроме бесконечного продолжения теолого-метафизической опеки. Это прискорбное колебание, чрезвычайно заметное еще в области науки о живых телах, характеризует теперь то, что, в сущности, содержится реального в длинных спорах, — столь пустых во всех других отношениях, — между *материализмом* и *спиритуализмом*; оба эти течения в

смутных очертаниях и в равно ложных формах отражали одинаково серьезные, – хотя, к несчастью, до сих пор противоположные, – потребности реальности и достоинства всех наших умозрений. Достигши отныне своей систематической зрелости, положительный метод рассеивает сразу заблуждения как одного, так и другого порядка и заканчивает эти бесплодные споры, одновременно удовлетворяя этим двум условиям. Их считают противоречивыми ошибочно, как теперь показывает наша научная иерархия, в связи с нашим законом эволюции, ибо каждая наука может достигнуть истинно положительной ступени лишь тогда, когда вполне укреплены присущие ей характерные особенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Применение астрономии к образованию

Народное образование должно опираться на астрономию

78. Непосредственное применение этой энциклопедической теории – одновременно научной и логической – приводит нас, наконец, к точному определению природы и назначения специального образования, которому посвящен этот *трактат*. В самом деле, из предыдущих объяснений вытекает, что главное влияние, сначала умственное, затем социальное, которое мы должны теперь искать в мудром всеобщем распространении положительных знаний, необходимо зависит от строгого дидактического соблюдения иерархического закона. Для каждого быстрого индивидуального образования, как и для медленного коллективного просвещения, останется всегда необходимым, чтобы положительное мышление, развивая свое господство по мере того, как увеличивается область его влияния, поднималось мало-помалу от первоначального математического до конечного социологического состояния, проходя последовательно четыре промежуточные ступени – астрономическую, физическую, химическую и биологическую. Никакое личное превосходство не может совершенно избавиться от этой основной постепенности, по поводу которой весьма уместно теперь лишь констатировать, что у высших умов наблюдается в этом отношении непоправимый пробел, обуславливающий иногда безрезультатность чрезвычайных философских усилий. Такой ход должен, таким образом, стать еще более необходимым во всеобщем воспитании, где специальности имеют мало значения и главная полезность которого, – более логическая, чем научная, – по существу требует полной рациональности, в особенности когда дело идет об установлении, наконец, правильного строя мысли.

Математическое знание необходимо для наступления времени систематического и полного образования

Таким образом, это народное образование должно теперь относиться главным образом к первоначальной научной паре, пока оно не будет надлежащим образом популяризовано. Именно там все должны сначала черпать истинные элементарные понятия общего положительного метода, приобретая знания, служащие основанием для всех других реальных умозрений. Хотя это строгое обязательство необходимо привело бы к помещению на первом плане наук чисто математических, нужно, однако, принять во внимание, что речь идет еще не об установлении прямой и полной систематизации народного образования, но лишь о надлежащем сообщении философского импульса, который должен привести к этой систематизации. Поэтому легко признать, что такое движение должно в особенности зависеть от астрономических знаний; последние по своей природе необходимо представляют полное проявление истинного математического метода, главное назначение которого они, в сущности, составляют. К представлению, таким образом, начальной пары одной астрономией тем менее встречается затруднений, что математические знания, поистине необходимые для ее полной популяризации, уже достаточно распространены или достаточно доступны и потому можно было бы теперь ограничиться предположением, что они уже имеются налицо благодаря предварительной подготовке.

Астрономия раньше социологии стала главным двигателем великих умственных переворотов человечества

79. Это необходимое преобладание астрономической науки в первом систематическом распространении положительного образования вполне соответствует историческому влиянию этой науки, являющейся до сих пор главным двигателем великих умственных переворотов. В самом деле, основное чувство неизменности естественных законов должно было сначала развиваться в области наиболее простых и наиболее общих явлений, необыкновенные правильность и величие которых показывают нам единственный реальный порядок, который совершенно независим от всякого человеческого воздействия.

Даже прежде, чем принять сколько-нибудь истинно научный характер, этот класс представлений в особенности определил решительный переход от фетишизма к политеизму, вытекавшему везде из культа небесных светил. Его первоначальное математическое обоснование в школах Фалеса и Пифагора было впоследствии главной идейной причиной падения политеизма и торжества монотеизма. Наконец, систематическое развитие современного положительного мышления, открыто

стремящегося к новому философскому строю, является существенным результатом великого астрономического переворота, начатого Коперником, Кеплером и Галилеем. Не приходится, таким образом, удивляться тому, что общее положительное образование, на которое должна опираться непосредственная победа окончательной философии, оказывается вначале также зависимым от этой науки, в виду необходимого соответствия между личным воспитанием и коллективной эволюцией. Именно это, без сомнения, является последней ролью, какую ей предстоит сыграть в общем развитии человеческого разума, который, раз достигнув у всех истинно положительного характера, должен будет шествовать затем, побуждаемый новым философским толчком, прямо исходящим от окончательной науки, отныне навсегда возведенной к своему нормальному господствующему положению. Такова чрезвычайная польза, – не менее социального, чем умственного характера, – которую нужно, наконец, извлечь из разумного популярного изложения теперешней системы здоровых астрономических знаний.
